

Пилатова Валентина Николаевна

РАЗЛОЖЕНИЕ СМЫСЛА КАК ФОРМА ЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье описывается естественная форма языковой деятельности человека - разложение смысла. Её суть заключается в использовании говорящим части смысла высказывания собеседника. При этом целостность логической структуры исходного высказывания нарушается. Приводятся примеры ситуаций, когда заимствованный элемент чужого высказывания используется в собственной речи. В работе изучается мыслительная дисперсия, составляющая в сочетании с логикой оппозицию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 126-129. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Андрианов С. Н. Англо-русский юридический словарь. М.: АБИ Пресс, 2009. 512 с.
2. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2004. 239 с.
3. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М.: Добросвет, 2003. 544 с.
4. Жакупова Г. Т. Некоторые аспекты понятийно-терминологического аппарата источниковедения // Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Серия историческая. 2012. № 3. С. 8-13.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
6. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь: ок. 250000 слов и словосочетаний. М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. 945 с.
7. Новохатняя К. В. О формировании терминологической культуры студентов в области физической культуры и спорта // Сборник трудов ученых РГАФК. М., 1999. С. 60-65.
8. Петрова Е. А. Терминированность как основа развития навыков профессионально-ориентированной коммуникации // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Омск, 2014. С. 46-51.
9. Пивовар А. Г. Большой англо-русский юридический словарь. Более 50 000 слов и выражений. М.: Экзамен, 2003. 864 с.
10. Порецкий Л. И. Элементы латинского словообразования и современные языки. Минск: Вышэйшая школа, 1977. 123 с.
11. Стародубцева О. Г. Формирование лексических навыков профессионально-ориентированной устной речи на основе сравнительно-сопоставительного анализа явлений английского и латинского языков в условиях медицинского вуза // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 25-28.

FORMING TERMINOLOGICAL COMPETENCE IN THE ASPECT OF JURISPRUDENCE

Petrova Elena Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Galieva Dina Aslyamovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
eleina.froloff@yandex.ru

The article discovers the meaning of the concept “terminological competence”. The approach to the material under study is based on multi-paradigmaticity which motives the authors to apply to the linguistics, in particular, cognitive linguistics, linguo-didactics, juridical linguistics data, within the framework of which the synthesis of logical-discursive thinking and intuitive judgement occurs. So, the paper aims to adapt the methodological research principles of the comparative sciences for the formation of new scientific paradigms. The authors focus on analyzing the terminological competence formation on the basis of interpreting juridical terms used in the juridical texts.

Key words and phrases: term; terminological system; terminological competence; semantization; terminological culture; using terms.

УДК 8

В статье описывается естественная форма языковой деятельности человека – разложение смысла. Её суть заключается в использовании говорящим части смысла высказывания собеседника. При этом целостность логической структуры исходного высказывания нарушается. Приводятся примеры ситуаций, когда заимствованный элемент чужого высказывания используется в собственной речи. В работе изучается мыслительная дисперсия, составляющая в сочетании с логикой оппозицию.

Ключевые слова и фразы: разложение смысла; деконструкция; логическая структура; взаимопонимание; мыслительная дисперсия.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
pilatova_vn@mail.ru

РАЗЛОЖЕНИЕ СМЫСЛА КАК ФОРМА ЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена одной из основополагающих форм языковой деятельности человека, суть которой заключается в использовании говорящим в своей речи части смысла высказывания собеседника. При этом смысл высказывания собеседника не уничтожается полностью, но его целостность нарушается. В результате логическая структура исходного высказывания подвергается слушателем разложению.

Примером описываемой ситуации может быть цитирование слов других авторов. Понравившиеся высказывания нередко используются в усечённом виде. Самые меткие формулировки превращаются в афоризмы и кочуют из одного произведения в другое. При этом чужие слова оказываются приспособленными к новой речевой ситуации и подвергаются некоторому смысловому развитию.

Пословицы, поговорки, крылатые выражения, представляя собой народную мудрость в сконцентрированной форме, становятся удобным средством аргументации. Первоначальный контекст их употребления обычно помнят лишь специалисты, неискушённый же оратор в этом не нуждается. Поэтому некоторое смещение акцентов здесь вполне закономерно.

Привычной практикой стало использование разнообразных аллюзий, в основе которых лежит намёк на чужую речь. Какая сторона чужой речи станет почвой для намёка – непредсказуемый выбор автора аллюзии.

Иногда от чужой речи вообще мало что остаётся. По этой причине имеет место даже ситуация нераспознавания аллюзий.

Технику заимствования части чужого текста в своей собственной речи можно наблюдать в случаях применения сложных коммуникативных стратегий, одной из которых является, например, манипулирование сознанием. Наиболее распространёнными видами манипулирования сознанием являются эстетизация порока и дискредитация добродетели. Несмотря на их содержательную противоположность, и в том и в другом случае наблюдается извлечение и подчёркивание нужной информации в условиях полного игнорирования всей остальной информации, даже если последняя противоречит первой. При эстетизации порока и дискредитации добродетели извлечёнными часто оказываются не основные черты личности, а, наоборот, маргинальные.

М. М. Бахтин обратил внимание на то, что человеческому общению в целом присуща некая переключенность [1, с. 321, 322], материальное отражение которой Ю. Кристева позже назовёт интертекстуальностью [2, с. 429]. Используя фрагменты чужих слов и мыслей, мы порой не отдаём себе в этом отчёт, забывая источник своих заимствований. Смысловые связи внутри одного высказывания носят предметно-логический характер, смысловые же связи между высказываниями разных людей приобретают диалогический характер. Однако реплики собеседников соприкасаются на территории общей темы произвольно. Иногда их соприкосновение строится по логическим законам, а иногда нет.

Ж. Деррида нарушение целостности содержания слов в ситуации использования отдельных компонентов назвал деконструкцией. Изучая деконструкцию, он довёл своё описание до элементарного уровня (уровня высказывания), исчерпав таким образом данную тему научного исследования. Ж. Деррида обратил внимание на то, что без приложения каких-либо интеллектуальных усилий неискушённые ораторы в речевом общении часто интуитивно выбирают интересующую их часть смысла высказывания собеседника, игнорируя при этом его логическую целостность [3].

Иллюстрацией подобной ситуации может служить узнаваемый диалог мультипликационных героев о лопнувшем воздушном шарике.

- *Какого цвета был шарик?*
- *Это был мой любимый цвет.*
- *А какого размера был шарик?*
- *Это был мой любимый размер* [4].

Автор вопросов в данном случае ответов, как таковых, не получает: был шарик красный или жёлтый, маленький или большой, остаётся неясно. Возмущённый тем обстоятельством, что шарик лопнул, наш герой интуитивно выбирает лишь ту составляющую вопроса, которая его волнует – *шарик*. Остальные компоненты вопроса он непринуждённо игнорирует. Однако подобные нелогичные ответные реплики не вызывают протест не только участника диалога, но и постороннего наблюдателя. Это означает, что разложение смысла при восприятии чужих слов – закономерное явление.

В кафе приятели обращают внимание на надпись на бокалах «Good luck is the question of attitude» / «Удача – это проблема отношения», после чего следует диалог:

- *“Is it? Is good luck the question of attitude?”*
- *“It’s a big wine glass”* (пример из личного коммуникативного опыта автора статьи – В. П.). /
- Да? Удача – это проблема отношения?
- Это большой бокал вина (перевод автора – В. П.).

Из полученного вопроса автор ответной реплики извлекает лишь компонент *it*. Возможно, вопрос адресату показался не простым и, деконструировав его, он получил некоторое время для обдумывания ответа. А может быть, просто его внимание привлёк не слоган, а большой размер бокала.

Бытовые диалоги, допускающие разложение смысла, происходят постоянно. Приведём ещё один пример:

- *Татьяна, что ты делаешь на Новый Год?*
- *Я большого смысла в этом празднике не вижу. Вот Рождество другое дело* (пример из личного коммуникативного опыта автора статьи – В. П.).

Возможность выделения сегмента смысла вопроса позволяет Татьяне сказать в первую очередь не то, что от неё ждут, а то, что ей хочется. Допускаемый полураспад целостной смысловой структуры высказывания открывает путь к самовыражению и неутилитарному речевому поведению.

Аналогичный пример:

- *“How did your trip to London go?”*
- *“I didn’t pay the congestion tax”* (пример из личного коммуникативного опыта автора статьи – В. П.). /
- Как ваша поездка в Лондон?
- Я не оплатил налог за въезд в центральную часть города (перевод автора – В. П.).

Данная форма языковой деятельности не является яркой, обращающей на себя внимание. Она естественна, присуща людям изначально, поэтому открытие Ж. Деррида не производит большого впечатления на широкие массы слушателей. В этом отношении оно сравнимо с открытием закона всемирного тяготения. И. Ньютон, обосновавший, почему яблоко падает вниз, тоже не шокировал широкие массы людей, так как он описал то, что, по мнению большинства, не нуждается в объяснении. Заметить необыкновенное легко; объяснение привычных вещей – дело менее благодарное.

Обратимся к ещё одному узнаваемому диалогу, который представляет собой фрагмент интервью В. В. Путина в ходе его официального визита в США, совпавшего во времени с периодом расследования причин крушения подводной лодки «Курск».

Ларри Кинг: «Что случилось с подводной лодкой “Курск”?»

Владимир Путин: «Она утонула» [Там же].

Ответ дан по законам логики. Однако интервьюер Ларри Кинг им был недоволен. Причина этого недовольства заключается в том, что журналист ожидал от собеседника деконструкцию своего вопроса. Журналист правомочно рассчитывал, что из вопроса адресат извлечёт лишь слово «Курск» и объяснит обстоятельства гибели экипажа подлодки. Однако В. В. Путин, интуитивно используя возможность строить ответ по законам логики, в форме игры слов парировал дерзкий преждевременный вопрос.

Игра в данной ситуации заключается в действии по логическим законам в условиях естественного ожидания действия по законам деконструкции. Разочарование объясняется тем, что журналист вынужден был признать правомерность полученного прямого ответа на собственный прямой вопрос. Если языковое явление (в данном случае деконструкция) может быть возведено на уровень игры наивным лингвистом, значит оно существует уже на бессознательном уровне.

Свойственный европейской культуре логоцентризм представляется Ж. Деррида ошибкой. Логоцентризм он не считает универсальной ментальной структурой в том смысле, что мышление человека не замыкается на логической деятельности. В жизни вообще мало логики, зато много асимметрии. Аристотелевские формулировки логических законов, по мнению учёного, нуждаются в уточнении. Разум не инстанция закона, удерживаемая вне игры и свободная от дисперсии. Письменные знаки позволяют обнаружить многочисленные грани их смысла. У каждого читателя он свой, да и тот постоянно меняется [3].

Мыслительная дисперсия хорошо прослеживается в следующем диалоге.

Polonius: ... *What do you read, my lord?*

Hamlet: *Words, words, words.*

Polonius: *What is the matter, my lord?*

Hamlet: *Between who?*

Polonius: *I mean, the matter that you read, my lord.*

Hamlet: *Slanders...*

Polonius: ... *Will you walk out of the air, my lord?*

Hamlet: *Into the grave?*

Polonius: *Indeed, that is out of the air* [6, p. 39]... /

Полоний: ...Что вы читаете, мой господин?

Гамлет: Слова, слова, слова.

Полоний: Что между ними, мой господин?

Гамлет: Между кем?

Полоний: Я имею в виду, о чём то, что вы читаете, мой господин?

Гамлет: Клевета...

Полоний: Может быть, пойдём вовнутрь, мой господин?

Гамлет: В могилу?

Полоний: Действительно, это означает вовнутрь... (*перевод автора – В. П.*).

Полоний находится здесь и сейчас. Его речевое поведение не выходит за рамки логических законов. Гамлет же пребывает в мире ментальных универсалий, осознания бранных законов бытия малодушных людей. Реплики собеседника подвергаются им деконструкции. Независимо от того, какую составляющую речи Гамлета мы изучаем – стилистическую, прагматическую, семантическую, грамматическую, – в основе каждой из них будет лежать когнитивная операция – разложение смысла.

Если бы речевое поведение Гамлета осуществлялось в рамках логоцентризма, то, отвечая на первый вопрос «Что вы читаете?», ему следовало бы дать название книги и фамилию автора. На вопрос «Про что книга?» резонно было бы сообщить тему произведения. После приглашения пойти на свежий воздух, ожидаемым был бы отказ или согласие.

С формальной точки зрения, Гамлет даёт ответы на вопросы собеседника. В действительности же его дискурс скорее монологичен, чем диалогичен. Из вопросов Полония он вынужденно берёт отдельные концепты, которые потом не совсем органично включает в собственный ментальный процесс. Чужой концепт превращается в строительный материал собственной речи.

Человеческому мышлению свойственно критическое преобразование, перетолкование. Здесь вступает в силу право на дополнительную, замещение на основе полураспада смысла. Способность разлагать смысл на составляющие придаёт ментальной деятельности человека дискурсивный характер, не претендующий на законченные результаты. Способность к деконструкции позволяет привлечь внимание к периферийным вещам и открывает путь к дистинктивности.

Таким образом, деконструирование слов не является обязательно слабым звеном речевой деятельности человека. Конечно, если имеет место распад логической структуры, вероятность точного понимания при общении снижается. Но одновременно возрастает потенциальная многоплановость общения и возможность манипулирования. Оно становится непредсказуемым, переводит отношения между людьми на другой уровень. Логика и деконструкция представляют собой оппозицию. Обеспечивая равновесность общения, члены этой оппозиции одинаково ценны. Если бы в умах людей действовали только законы логики, личностное развитие пребывало бы в узко заданных рамках, и творческий потенциал был бы более бедным.

Общепринятая в мире система информатики, в основе которой, как известно, лежат законы логики, не является единственно верной. Поскольку процесс разложения смысла принадлежит к тому же абстрактному уровню языка, что и логика мышления, возможно создание систем хранения информации на основе разложения

смысла. Это касается и информационных программ технических устройств, и учебно-методической базы, и других возможных способов хранения знаний.

Приходим к заключению, что разложение смысла является естественной формой языковой деятельности человека, в основе которой лежит нарушение логоцентрической структуры высказывания. Данная характеристика сознания не допускает ситуацию постоянного полного взаимопонимания между людьми и обеспечивает творческое развитие личности. Можно сказать иначе: развитие в условиях полного взаимопонимания невозможно.

Список литературы

1. **Бахтин М. М.** Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. С. 306-329.
2. **Кристева Ю.** Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.
3. **Derrida J.** Psychée. Invention de l'autre // Derrida J. Philo en Effet. Paris: Galilée, 2003. Т. 2. P. 8-76.
4. <http://quote-citation.com/topic/vinni-pux> (дата обращения: 27.01.2016).
5. <https://russian.rt.com/article/118865> (дата обращения: 27.01.2016).
6. **Shakespeare W.** Hamlet. N. Y.: Waxkeep Publishing, 2012. 161 p.

THE DECOMPOSITION OF THE MEANING AS A LANGUAGE ACTIVITY FORM

Pilatova Valentina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saint-Petersburg State University
pilatova_vn@mail.ru

The article describes a natural form of the language activity of a man – the decomposition of meaning. Its essence is in the usage by a speaker of a part of meaning of the interlocutor's statement. At the same time the integrity of a logical structure of an original statement gets broken. The examples of situations when a borrowed element of another's statement is used in the one's own speech are given. In the paper a reflective dispersion is studied, making an opposition in combination with the logic.

Key words and phrases: the analysis of meaning; deconstruction; logical structure; mutual understanding; reflective dispersion.

УДК 81'271

Статья посвящена анализу ономастического пространства Российской армии. На материале названий военной техники и вооружения выделяются поля онимической лексики, в совокупности образующие ономастическое пространство. Определяются принципы, согласно которым новые образцы оружия получают официальные, а также неофициальные наименования (народные прозвища). Рассматриваются цели присвоения наименований различным видам техники и вооружения, отмечается большая роль эвфемизации в этом процессе.

Ключевые слова и фразы: ономастика; ономастическое пространство Российской армии; имя собственное; военная техника и вооружение; наименования военной техники и вооружения; эвфемизмы.

Попова Ольга Александровна, к. филол. н.
Пермский военный институт внутренних войск МВД России
p-olgaperm@mail.ru

Соболева Ольга Владимировна, к. филол. н.
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермский военный институт внутренних войск МВД России
olga.v.soboleva@gmail.com

**ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ АРМИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ И ВООРУЖЕНИЯ)**

Ономастическое пространство является одним из ключевых понятий современной ономастики. Считается, что термин был введен в научный обиход А. В. Суперанской вслед за В. Н. Топоровым. В широком смысле ономастическим пространством принято считать сумму имен собственных, «употребляющихся в языке данного народа для именованья реальных, гипотетических и фантастических объектов» [4, с. 9]. Однако термин можно трактовать и более узко. Такое понимание возможно благодаря особой природе ономастического пространства, в организации которого можно выделить своего рода подпространства, относящиеся не ко всему языку в целом, а к отдельным сферам его функционирования. В связи с этим А. В. Суперанская отмечает, что «ономастическое пространство может быть разделено на своеобразные секторы, внутри которых выделяются зоны, или поля. Это деление объективно необходимо, поскольку ономастическое пространство в целом труднообозримо. Однако подход к делению может быть разным в силу не только объективных, но и субъективных причин, которые определяются как факторами общественного порядка, так и индивидуальностью исследователя» [3, с. 173]. Таким образом, ономастическим пространством можно считать сумму имен собственных, имеющих отношение к определенной сфере деятельности человека. В нашей работе под ономастическим пространством Российской армии понимается совокупность онимической лексики, обозначающей